

К. М. Колобова, Э. Д. Фролов

АРИСТОТЕЛЬ И ЕГО ГРЕЧЕСКИЕ КОММЕНТАТОРЫ

(В поисках формулы стоимости)

В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» К. Маркс писал: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹.

К. Маркс в первом разделе первой книги «Капитала» неоднократно обращается к теоретическим выкладкам Аристотеля, которого он считал великим исследователем, впервые анализировавшим «...форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами»².

Экономические суждения Аристотеля представляют вершину развития греческой экономической мысли.

Экономические проблемы, например, роль и значение нужды (*χρεία*), общественное разделение труда, обмен, деньги и т. д., рассматривались еще до Аристотеля, подробнее всего у Ксенофонта и Платона. Однако до Аристотеля эти вопросы трактовались лишь в плане общеэтических философских категорий: с точки зрения практической их полезности — у Ксенофонта, с точки зрения общефилософского понимания добра и зла — у Платона.

Только у Аристотеля эти проблемы впервые получили действительно научное освещение. Учение о хозяйстве, об обмене, о роли денег, о соизмеримости товаров впервые в трудах Аристотеля становится предметом научного исследования.

Аристотель первый сформулировал проблему стоимости как теоретическую проблему, хотя и не смог ее разрешить. В заслугу ему должно быть поставлено также то, что, понимая всю трудность этой проблемы, он не считал результаты своего исследования окончательными.

Вслед за Аристотелем перипатетики обсуждали понятия права, добродетели, политики, справедливости как в личном, так и общественном зна-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 3—4.

² Там же, стр. 65.

чении этих терминов. В средние века схоластики приняли в свои недра философа-язычника. В этот период Аристотелю отводилось особенно высокое место как в вопросах философии, обнимавшей в древности весь круг точных наук, так и в вопросах права, этики и экономики. Работы Аристотеля неоднократно комментировались, причем подробному комментарию подвергались и его взгляды на природу и характер обмена, на роль денег и проблему стоимости. Одновременно с неослабным интересом к работам Аристотеля происходила и канонизация его взглядов, а в ряде случаев неизбежные при этом искажения и затемнения подлинного смысла аристотелевского учения.

Во время жизни Аристотеля экономические учения еще не выделились в особую отрасль науки, но были тесно связаны с этикой и политикой. Обе последние были связаны единой целью, хотя практически их задачи были разными: необходимо научить людей поступать в согласии с общественным благом на основе разумной деятельности или деятельности разума (*ἐνέργεια ἐπ' ἀρετήν*). Поскольку подлинное счастье каждого гражданина заключается в его общественной деятельности (в пределах полиса), то в этом и заключена практическая цель политики.

Развитие обмена и денежного хозяйства не прошло мимо внимания Аристотеля, поскольку роль товарного хозяйства теснейшим образом была связана с проблемой подчинения всей хозяйственной деятельности отдельных товаропроизводителей и купцов благу государства³.

С изумительной по тому времени силой абстракции Аристотель впервые поставил основные теоретические вопросы о роли денег в соизмерении и приравнивании всех товаров к чему-то единому, т. е. проблеме стоимости.

«Так как политическая экономия, с тех пор как сделалась достоянием истории, представляет собою в сущности не что иное, как научное рассмотрение экономических отношений периода капиталистического производства, то отдельные положения и теоремы этой науки могут встречаться у древне-греческих писателей лишь постольку, поскольку известные явления, вроде производства товаров, торговли, денег, капитала, приносящего проценты и т. д., оказываются общими для древнего мира и современного общества. Греки в своих случайных экскурсах в эту область науки обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях. Поэтому их взгляды образуют исторически-теоретические исходные пункты современной науки»⁴.

В этом отношении интересно проследить, как греческие комментаторы Аристотеля, изучая в течение 1700 лет его сочинения, не смогли все же сделать ни одного шага вперед в развитии заложенной им основы.

В «Никомаховой Этике» (V, 8, 1132 b 21 — 1133 b 28) Аристотель, рассматривая вопрос о справедливости, останавливается на проблеме справедливости в обмене товарами. Основное внимание философа занимает вопрос: можно ли сделать сравнимыми продукты труда, чтобы достигнуть равного, пропорционального обмена.

³ Отсюда в значительной мере и происходит отличие, четко проводимое у Аристотеля, между искусством обогащения (хрематистикой) и справедливого обмена (экономикой), необходимого для процветания государства. Отсюда же у Аристотеля явная враждебность к ростовщичеству и противопоставление ему справедливости пропорционального обмена, взаимно выгодного обеим сторонам. Ср. *Arist., Pol., I, 8, 1256a—10, 1258b 8*.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 231—232. Некоторые буржуазные экономисты также признавали эти исторически-теоретические исходные пункты греческой науки для науки капиталистической. Ср. *Kaulla, Die geschichtliche Entwicklung d. modernen Welttheorien, Tübingen, 1906, стр. 4*: «В положениях Стагирита проблема стоимости получила в античности свою первую, но в то же время и свою последнюю обработку, имеющую теоретическое значение. Прошло больше тысячелетия прежде чем снова взялись за нее и стали развивать дальше».

Согласно Аристотелю, непременным условием справедливости обмена является наличие двух лиц и двух обмениваемыхся продуктов труда, причем создатели этих продуктов относятся друг к другу так же, как относятся друг к другу созданные ими товары: лицо А относится к лицу В, как товар Г к товару Д.

Все подлежащее обмену, рассуждает Аристотель, должно быть сравнимо. Ремесла уничтожились бы, если бы работник не производил чего-либо, имеющего количественную и качественную ценность. Два врача не могут создать общество, а врач и земледelec и, вообще говоря, люди, занимающиеся различным и неравным (трудом), могут создать его, но их-то работу и следует приравнять. При этом, конечно, речь идет об изготовленных вещах, обладающих ценностью, т. е. *χρήματα*. «Мы называем,— говорит Аристотель,— *χρήματα* все то, ценность чего определяется деньгами» (IV, 1, 1119 b 26—27).

В центре внимания Аристотеля становится проблема о роли денег в обмене. Деньги, будучи мерой, делают сравнимыми все остальные предметы, приравнивая их друг к другу; и как невозможно общение без обмена, так невозможен обмен без уравнивания *χρήματα*; так же точно невозможно уравнивание без сравнимости предметов.

Эту проблему Аристотель рассматривает последовательно в трех разделах — доказательствах⁵. С первого взгляда может показаться, что два последних раздела — повторения первого. Но при внимательном рассмотрении видно, что все три раздела образуют единую цепь доказательств, каждое из которых обосновывает выдвинутое положение все более и более тщательно, все более всесторонне⁶. В каждом из разделов Аристотель очень осторожно, хотя и настойчиво, стремится обосновать роль денег как меры сравнимости⁷.

Эти наблюдения Аристотеля остановили на себе внимание К. Маркса. Говоря об особенностях эквивалентной формы стоимости, Маркс приводит как раз следующие далее рассуждения Аристотеля о том, что приравнение пяти лож к одному дому не отличается от приравнения пяти лож определенному количеству денег.

«Прежде всего,— пишет К. Маркс,— Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

„5 лож = 1 дому” („Κλίνας πέντε ἀντὶ οἰκίας”)

„не отличается” от:

„5 лож = такому-то количеству денег” („Κλίνας πέντε ἀντὶ . . . ὅσου αἰ πέντε κλίνας”).

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы отно-

⁵ Первый раздел — 1133 a 19—25, второй — 1133 a 25—1133 b 14, третий — 1133 b 14—28. Здесь и в дальнейшем цитируем по изданию: Aristotelis Ethica Nicomachea, Recognovit F. Susemihl, Ed. III, Curavit O. Apelt, Lipsiae, 1912.

⁶ Ср. Н. Рагсow, Forschungen über die Nikomachische Ethik des Aristoteles, Weimar, 1874, стр. 18—19.

⁷ Об осторожности исследования свидетельствуют, между прочим, различные ограничительные частицы, придающие изложению характер творческих исканий и размышлений самого философа. Например: «Вследствие этого все, что вступает в обмен, должно быть *как-то* (πως) сравнимым. Для этого появились деньги, и они являются *как-бы* (πως) серединой» (1133a19—20); «Итак, все должно измеряться *чем-то одним* (ἐνί τινι)» (25—26); «*как-бы* (οἷον) заменителем нужды явились по соглашению деньги» (28—29); «Действительно, деньги *наподобие меры* (ὡσπερ μέτρον) делают все соразмерным и, таким образом, уравнивают» (1133 b 16—17) и т. д.

ситься друг к другу как соизмеримые величины. „Обмен,—говорит он,— не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости“ („οὐτ' ἰσότης μὴ οὐσης σύμμετρίας“). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. „Однако в действительности невозможно („τῆ μὲν οὖν ἀληθείᾳ ἀδύνατον“), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы”, т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь „искусственным приемом для удовлетворения практической потребности”.

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного „в действительности не может существовать”, — говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу в качестве чего-то равного, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе и в доме. А это — человеческий труд»⁸.

Остановившись перед невозможностью найти принцип соизмеримости вещей, Аристотель обращается к понятию потребности, нужды (χρῆσις).

Нужда все соединяет (συνέχει), ибо, если бы люди ни в чем не нуждались или же не нуждались бы в одном и том же, то не было бы и взаимного обмена. Монета же является как бы представителем нужды по (взаимному) соглашению (Ср. V, 1133 а 26—29).

Утверждая, что каждый продукт должен обладать количественной и качественной ценностью, Аристотель ощущает наличие разницы между потребительной и меновой стоимостью: качественная ценность продукта выражает его потребительную стоимость, количественная — меновую.

Эта проблема была в свое время поставлена Аристотелем почти так же, как ее позднее поставил К. Маркс: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря своим свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности...

Каждую полезную вещь, как, напр., железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества»⁹.

Но у К. Маркса далее следует развитие трудового происхождения стоимости и лишь после детального исследования труда, как субстанции стоимости, на сцену появляются деньги, как форма выражения стоимости. Аристотель же прямо ставит знак равенства: количественная ценность предмета равна деньгам¹⁰.

Аристотелю впервые в античности удалось также установить двойственную природу всякого товара, одновременно являющегося потребительной стоимостью и стоимостью¹¹.

Аристотель стоял перед фактом товарного обмена, совершающегося при посредстве денег. Отсюда он был вынужден допустить, что связь денежной формы с потребительной стоимостью товара чисто условная (ἐξ

⁸ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 65—66.

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ Ср. замечания К. Маркса («Капитал», т. I, стр. 66 и 81) о том, что научное понимание значения труда, овецивающегося в продуктах, могло быть достигнуто только в период вполне развитого товарного производства.

¹¹ К. Маркс цитирует Аристотеля (Pol., I, 9, 1257 а 6—13), говорящего о двойном употреблении каждого блага, например, сандалии. В противовес тому что, как говорит К. Маркс, для владельца потребительная стоимость его товара заключается в его меновой стоимости, Аристотель утверждает, что меновая стоимость сандалии явление второстепенное, так как даже тот, кто обменивает ее на другой продукт пользуется сандалией как сандалией. Ср. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 92, прим. 39.

ὁποθέσεως, κατὰ συνθήκην). Деньги являются деньгами не по природе, но по закону (οὐ φύσει, ἀλλὰ νόμῳ, V, 1133 a 30). Очевидно, природа (φύσις) заключена в самих вещах, которые непонятным образом дwoятся: будучи абсолютно различными и потому несравнимыми, они тем не менее приравниваются друг к другу еще до изобретения денег (πρὶν τὸ νόμισμα εἶναι, V, 1133 a 26). Таким образом, товарный фетиш стоял перед Аристотелем во всей его нераскрытой загадочности. При этом сам философ чувствовал смутно товарную природу денег, отмечая колебания и неустойчивость цены самих денег: «Конечно, и деньги претерпевают то же самое, ибо они не всегда имеют одинаковую силу; однако они имеют большую тенденцию к устойчивости; вследствие этого все должно ими оцениваться» (V, 1133 b 13—15) ¹².

Мысль Аристотеля не могла выйти за рамки его времени. Не понимая решающей роли производства в общественной жизни, он не мог, естественно, понять и природы обмена. Обмен, по Аристотелю, это — взаимный обмен услугами, и потому процесс купли-продажи увенчивается храмом Харит: «Потому-то и храм Харит сооружают поблизости, чтобы имело место воздаяние (ἀνταπόδοσις); ибо в этом и состоит сущность услуги (ἰδίου χάριτος)» (V, 1133 a 2—4).

* * *

До сих пор не вполне объяснимым фактом является существование трех этик («Никомаховой Этики», «Этики Евдема» и «Большой Этики»), приписываемых Аристотелю. «Большая Этика» (Ἡθικὴ Μεγάλα) сохранилась лишь в двух книгах: ее содержание отчасти соответствует содержанию «Этики Евдема», отчасти — «Этики Никомаха»; предполагают, что она является произведением одного из перипатетиков. Время ее составления спорно: одни датируют ее I веком до н. э. — I веком н. э.; другие — второй половиной II века до н. э. ¹³. Относительно же «Этики Евдема» вопрос весьма спорен. В последнее время ряд ученых считает ее принадлежащей Аристотелю; другие же полагают, что это произведение перипатетика Евдема Родосского, ученика Аристотеля ¹⁴. Первую точку зрения впервые высказал и развил В. Егер. В изучении этических проблем, полагает он, Аристотель прошел три этапа эволюции своих взглядов: сначала он стоял на позициях своего учителя Платона, затем начался отход от Платона и критика отдельных положений и концепций своего учителя (время составления «Этики Евдема») и, наконец, создание оригинальной «Этики» в поздний период жизни Аристотеля («Никомахова Этика») ¹⁵.

Четвертая книга «Этики Евдема» дословно совпадает в современных изданиях с V книгой «Никомаховой Этики» ¹⁶. Единственное расхождение в интересующих нас проблемах представлено в книге III «Этики Евдема» ¹⁷,

¹² Характерно выражение: οὐ γὰρ ἐκεί ἴσον δύναται. В сущности, Аристотель, сам об этом не подозревая, находит выражение и для относительной формы стоимости (ἴσον ἐστὶ) и для эквивалентной (δύναται).

¹³ Ср. подробный разбор литературы вопроса у Дирльмейера: Aristoteles. Nikomachische Ethik übers. v. Fr. Dirlmeier (Aristoteles. Werke in deutscher Übersetzung hrsg. v. E. Grumach, Bd. 6), В., 1956, стр. 248—249.

¹⁴ Сводка взглядов различных ученых дана у Рэкхэма: Aristotle. The Athenian Constitution. The Eudemeian Ethics. On Virtues and Vice, with an English translation by H. Rackham, Cambridge, Harvard Univers. Press, L., 1952, стр. 190—191 и прим. а.

¹⁵ W. Jaeger, Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung, 2 Aufl., В., 1955 (первое издание вышло в 1923 г.).

¹⁶ Ср. предисловие Рэкхэма, там же, стр. 193. Издание, использованное в настоящей работе: [Aristotelis Ethica Eudemia] Eudemi Rhodii Ethica. Adjecto de Virtutibus et Vitiis libello recognovit Fr. Susemihl, Lipsiae, 1884.

¹⁷ Eth. Eud., III, 4, 1231, b, 27 сл.

а именно в изложении вопросов, которым посвящена IV книга «Никомаховой Этики», где рассматриваются вопросы о «щедрости». Аристотель пишет, что «щедрость, как кажется, есть середина по отношению к вещам, обладающим ценностью (χρήματα)». И несколькими строками ниже он дает поэтому точное определение χρήματα, о котором уже говорилось (EN, IV, 1, 1119 b 26—27).

Те же мысли несколько другими словами сокращенно излагаются в «Этике Евдема», однако определение χρήματα опущено; вместо этого дано сокращенное, по сравнению с «Политикой», изложение о двойном употреблении благ. Единственное отличие состоит в том, что в «Политике» и собственное, и несобственное употребление вещи (οἰκεία καὶ οὐκ οἰκεία χρήσις) признается использованием вещи «по существу» (ἀμφότεροι δὲ καθ' αὐτό) (Pol., 1,9, 1257 a 5—13). В «Этике Евдема», ἡ καθ' αὐτό χρήσις признается лишь за использованием вещи в качестве предмета непосредственного потребления; использование же вещи в качестве предмета обмена не считается использованием καθ' αὐτό (EE, III, 4, 1231 b 38—1232 a 4).

Будем ли мы считать, что здесь перед нами раннее произведение Аристотеля или парафраза его ученика Евдема, все равно, во всяком случае очевидно, что по сравнению с этим сочинением «Никомахова Этика» и «Политика» дают более полное и правильное освещение затронутых вопросов.

* * *

Наиболее ранние дошедшие до нас комментарии составлены перипатетиками. Условная датировка «Большой Этики» — II—I вв. до н. э., комментария Аспасия — I — первая половина II в. н. э. Таким образом, перед нами два комментария перипатетиков, отделенные друг от друга несколькими столетиями. «Большая Этика» является парафразой двух «Этик» (Никомаховой и Евдема). Интересующим нас вопросам в ней посвящены лишь несколько строк в первой книге. Изложив по Аристотелю пропорциональность обмена, автор продолжает: «А так как архитектор производит свой продукт более ценным, чем сапожник, и так как возможность обмениваться существовала и для сапожника и для архитектора, но взять дом за сандалии было нельзя, то установили то, за что все это можно купить и, назвав серебро деньгами, пользоваться ими, выплачивая один другому его цену, производить взаимообмен и таким образом связать (воедино) государственное общение» (MM, I, 34, 12 Didot). Проблемы, ранее поставленной Аристотелем, автор «Большой Этики» не понял. Всё представляется ему результатом обдуманного намерения, предпринятого в целях организации правильного обмена товарами, поскольку обмен объединяет государство в единое общество.

Такое непонимание автором «Большой Этики» мыслей Аристотеля характерно и для других комментаторов¹⁸. Значительно интереснее сохранившийся комментарий Аспасия к IV книге «Никомаховой Этики»¹⁹.

Из его комментариев к «Никомаховой Этике» сохранились лишь комментарии к книгам I—IV, VII и части VIII. Комментарий к V книге

¹⁸ Жаль, что утеряна парафраза Теофраста, одного из талантливейших учеников Аристотеля. Имевшая место в науке попытка приписать Теофрасту «Никомахову Этику» не может быть принята.

¹⁹ Ср. V. R o s e, Über die griechischen Commentare zur Ethik des Aristoteles, «Hermes», V (1871), стр. 61 сл. Новейшим изданием комментариев Аспасия является: Aspasia in Ethica Nicomachea quae supersunt commentaria... ed. G. H e y l b u t (Comm. in Aristotelem Graeca ed. cons. et auct. Acad. litt. reg. Boruss. v. XIX, p. 1), B., 1889. О жизни Аспасия нам, к сожалению, ничего неизвестно.

утерян. В комментарии к IV, 1, 1119 b 22 «Никомаховой Этики»; Аспасий останавливается на различных значениях термина *χρήμα*.

«*Χρήματα* называются вообще все вещи, как, например, когда мы говорим, что он „сделал некую вещь“ вместо „он сделал некое дело“ (*τι χρήμα ἔπραξεν ἀντὶ τοῦ τι πρᾶγμα ἔπραξε*) и отсюда употребляется выражение *χρηματίζειν*. Вещью, обладающей ценностью (*χρήματα*), называется, по преимуществу, то, цена чего измеряется деньгами (*ὧν ἡ ἀξία νομισμασι μετρεῖται*), как-то: дом, рабы, обстановка, утварь, скот и т. п. Ибо то, чего стоит каждая из этих вещей, можно измерить деньгами. В этом значении добродетель не является вещью, обладающей ценностью, ибо нельзя цену ее выразить в таких вещах, поскольку она превосходит всякую вещь, обладающую ценностью (*οὐ γὰρ ἔστιν εἰπεῖν ὅσων χρημάτων ἔστιν ἀξία· ὑπερβάλλει γὰρ πᾶν χρήμα*). Равным образом и дружба не является вещью, подлежащей оценке, но превосходит цену таких вещей; равным образом, и родители, и отчизна, и вообще все, что превосходит владение ценностями. Кажется, таким образом, что разграничение понимаемых в таком смысле *χρήματα* установлено недостаточно точно. Ибо сами деньги и серебряная монета не измеряются деньгами (*τὸ γὰρ νόμισμα αὐτὸ καὶ τὸ ἀργύριον οὐ μετρεῖται νομισμασι*). Итак, почти достаточно полное разграничение таково: *χρήμα* есть деньги или то, цена чего измеряется деньгами. Преимущественно же термином *χρήμα* называются и сами деньги, например, когда мы говорим, что такой-то отдал в рост деньги (*χρήματα ἐδύναισεν*). Итак, значение *χρήμα* тройное²⁰; из этого ясно, каким из них пользуется Аристотель, а именно — вторым из указанных значений» (стр. 95—96).

Таким образом, у Аспасия и сами деньги являются *χρήματα*, но они (деньги) не измеряются деньгами. Вспомним слова К. Маркса: «...эквивалентная форма товара не включает в себе количественного определения величины его стоимости. ... Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах»²¹.

Аспасий, расширяя понятие *χρήμα*, не может, однако, определить его со стороны его содержания: «вещь, обладающая ценностью, — говорит он, — это деньги или то, цена чего измеряется деньгами».

Стремление Аспасия внести ясность в различные значения слова *χρήμα* не лишено интереса, так как у Аристотеля этот термин занимает в экономических рассуждениях одно из центральных мест. В его основе лежит греческий глагол *χρησθαι*, тесно связанный и с термином *χρεία*. Как правило, *χρήματα* обозначает вещи, продающиеся и покупающиеся, и даже самые деньги. В трактате Ксенофонта «Об управлении хозяйством» — термин *χρήματα* употребляется в значении вещей, приносящих пользу. Вещи же, не приносящие пользы или приносящие вред, не являются *χρήματα*. Так, одни и те же вещи должны быть названы *χρήματα* по отношению к человеку, который «умеет» ими пользоваться, и не заслуживают этого определения в противном случае. И сами деньги не являются *χρήματα* для человека, «не умеющего» ими пользоваться, т. е. расходующего их «во вред самому себе». В категорию *χρήματα* у Ксенофонта попадают и друзья (*φίλοι*); их следует назвать этим термином даже в большей степени, чем быков, если от них будет больше пользы, чем от быков (Оес., I). Несмотря на наивность рассуждений Ксенофонта, мы находим в них зародыш той мысли, которую позднее разовьет Аристо-

²⁰ а) — вещь, обладающая ценностью; б) — деятельность какого-либо вида или ее результат; в) — сами деньги.

²¹ К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 98.

тель: вещи не являются *χρήματα* для человека, не умеющего ими пользоваться, но они снова становятся для него *χρήματα*, если он их продает. Это — то двойное употребление сандалии, с которым мы встречаемся у Аристотеля и которое впоследствии у К. Маркса приведет к отчетливому расчленению понятий потребительной и меновой стоимости²².

Термин *χρήματα* у Ксенофонта несет в себе отчетливый отпечаток полезности, полезной вещи, тогда как у Аристотеля, уточняясь, он приобретает значение вещи, обладающей ценностью (как потребительной, так и меновой).

В греческом *χρήμα* вещный оттенок дан с большей отчетливостью, чем в нашем отвлеченном понятии «стоимость» (Werth). Человек делает дело (ср. Аспасий: *χρήμα ἔπραξε* = *πρᾶγμα ἔπραξε*); продуктом этой деятельности является ценная вещь.

Ценная, потому что она удовлетворяет человеческие потребности (*χρεία*), говорит грек, называя ее *χρήμα*.

Ценная, потому что она является кристаллизацией общественно-необходимого человеческого труда, говорит К. Маркс.

Если мы острее почувствуем вещный характер термина *χρήμα*, то для нас отчетливее прозвучит фраза Аспасия: «добродетель не есть в собственном смысле *χρήμα*, ибо невозможно сказать, скольких *χρήματα* она стоит» (стр. 95).

С другой стороны, подчеркивая вещный характер *χρήματα*, Аспасий, вопреки Ксенофону, исключает из *χρήματα* такие вещи, как добродетель, дружба, отечество. Таким образом, он впадает в другую крайность. Он не видит всей сложности той проблемы, которой он коснулся в своем анализе.

«Вещи, — пишет К. Маркс, — которые сами по себе не являются товарами, напр., совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости»²³.

Говоря, что вещественной природе товаров принадлежит стоимость, а потребительная их стоимость интересует лишь людей, К. Маркс указывает на то, что многих экономистов пугает одно обстоятельство: потребительная стоимость может быть реализована лишь в обмене.

Итак, в результате рассмотрения сохранившихся частей трактатов двух перипатетиков, мы видим, что в аристотелевские положения о стоимости ничего нового не было внесено. В «Большой Этике» мы встретились с несомненным упрощением взглядов Аристотеля на значение пропорционального обмена и роль денег. В комментарии Аспасия интересны попытки разграничить понятие и значения термина *χρήμα*. Однако вынести окончательное суждение о роли Аспасия в дальнейшем развитии экономических воззрений Аристотеля не представляется возможным, поскольку комментарий Аспасия к V книге «Никомаховой Этики» до нас не дошел.

В истории общественной мысли позднеантичные и средневековые комментаторы занимают особое место. В средние века научная и философская мысль часто начинала с комментирования какого-либо классического

²² Ксенофонт при этом делает существенную оговорку: не всякая продажа дает право вещи называться *χρήματα*, а лишь такая, когда при обмене получается вещь, которой продавец-покупатель опять-таки умеет пользоваться. Другими словами: товар может выступить в роли эквивалента лишь облеченным в тело потребительной стоимости.

²³ К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 109.

текста, а затем, оттолкнувшись от него, шла подчас своим самостоятельным путем. Поэтому интересно проследить, внесла ли что-нибудь новое мысль средневековых схолиастов и схоластов, комментаторов и ученых, в поставленную Аристотелем проблему стоимости и роли денег.

К V книге «Никомаховой Этики» сохранились три комментария: анонимный, Михаила Эфесского и Гелиодора²⁴. Наиболее ранний из них — анонимный комментарий. Комментарий Михаила в своей основе представляет позднейшую переработку анонимного комментария, причем нетрудно заметить, что в ряде случаев Михаил пересказывает содержание этого комментария почти дословно²⁵. Об авторе анонимного комментария нам почти ничего неизвестно (установлено лишь, что этому же автору принадлежат дошедшие до нас комментарии ко II—IV книгам «Никомаховой Этики»). Напротив, фигура Михаила Эфесского вырисовывается значительно более определенно. Несомненно, для своего времени это был человек высоко образованный. Внимательное изучение комментариев Михаила к Аристотелю показывает, что автор принадлежал к кружку виднейших византийских ученых и философов второй половины XI в. и, быть может, был учеником Михаила Пселла. Долгие годы перед тем, как приступить к составлению комментариев к «Никомаховой Этике» и «Политике», Михаил работал над комментированием естественно-научных сочинений Аристотеля. На основании некоторых данных можно предполагать, что одно время Михаил читал лекции (в частности, и по «Этике» и «Политике» Аристотеля) в восстановленной Константином Мономахом Константинопольской Академии. Плодом этих занятий отчасти и явилось составление им весьма обстоятельных комментариев к «Никомаховой Этике» и «Политике»²⁶.

Комментарий Гелиодора из Прусы является значительно более поздним (XIV в.) и по своей ценности уступает двум первым. К сожалению, о личности самого автора нам ничего неизвестно.

Начало всех трех комментариев к рассматриваемому нами месту «Никомаховой Этики» (V, 8, 1132 b 21—1133 b 28) не представляет особого интереса. В полном соответствии с текстом «Этики», но более подробно и развернуто комментаторы излагают критику Аристотелем учения пифагорейцев о «равном воздаянии» ($\tau\acute{o} \acute{\alpha}\nu\tau\iota\pi\acute{\epsilon}\pi\omicron\upsilon\theta\acute{o}\varsigma$) как безусловной справедливости; о возможности признания равного, совершающегося «по пропорции», воздаяния формой справедливости «в общественных связях, возникающих на почве обмена» ($\acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\epsilon}\nu \tau\alpha\iota\varsigma \kappa\omicron\iota\nu\omega\nu\acute{\iota}\alpha\iota\varsigma \tau\alpha\iota\varsigma \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\chi\tau\iota\kappa\alpha\iota\varsigma$); затем следует объяснение геометрической схемы, при помощи которой Аристотель показывает, каким образом при «воздаянии» ($\eta \acute{\alpha}\nu\tau\iota\delta\omicron\sigma\iota\varsigma$) в процессе обмена должно происходить пропорциональное уравнивание обмениваемых предметов. Далее комментаторы, вслед за Аристотелем, переходят к рассмотрению важнейшего условия, обеспечивающего возможность пропорционального уравнивания, — к вопросу о соразмерности.

В первом разделе-доказательстве, представляющем собой как бы введение ко всему рассуждению, Аристотель формулирует в общей форме

²⁴ Eustratii et Michaelis et anonyma in Ethica Nicomachea commentaria...ed. G. Heubut (Comm. in Aristotelem Graeca ed. cons. et auct. acad. litt. reg. Boruss., v. XX), B., 1892; Michaelis Ephesii in librum quintum Ethicorum Nicomacheorum commentarium...ed. M. Hauduck (Comm. in Aristotelem Graeca... v. XXII, p. III), B., 1901; Heliodori in Ethica Nicomachea Paraphrasis...ed. G. Heubut (Comm. in Aristotelem Graeca... v. XIX, p. 2), B., 1889. Ср. V. Rose, «Hermes», V (1871), стр. 61 сл.

²⁵ V. Rose, ук. соч., стр. 71.

²⁶ V. Rose, ук. соч., стр. 61 сл.; ср. рецензию К. Прехтера на издание комментариев к Аристотелю, т. XXII, ч. II (K. Praechter, GGA, 1906, № 11, стр. 861—907) и предисловие О. Иммиша: Aristotelis Politica recognovit O. Immisch, Lipsiae, 1909, стр. XV—XX.

положение о деньгах как мере сравнимости. «Вследствие этого все, что вступает в обмен, должно быть как-то сравнимым (ὁὶὸ πᾶντα συμβλητὰ δεῖ πὼς εἶναι, ὡν ἔστιν ἀλλαγῆ). Для этого появились деньги, и они являются как бы серединой; ибо они всё измеряют: и избыток, и недостаток, и в частности, например, сколько сандалий равны [по ценности] дому или пропитанию. Должно ведь, чтобы в каком количественном отношении находятся строитель и сапожник, в таком же [в обратном порядке] находились сандалии и дом (ибо, если этого не будет, не будет и обмена, не будет и общения); а этого не будет, если вещи не станут каким-нибудь образом равными» (1133 а 19—25).

Комментаторы целиком принимают выдвинутое Аристотелем положение о деньгах как мере сравнимости. Анонимный комментатор замечает к этому месту: «Аристотель говорит, что сравнимы предметы, обменивающиеся друг на друга; ведь сравнимы и они, и вообще предметы, противостоящие друг другу материально (τις ὄλης). Если бы были несравнимы, то было бы невозможно им участвовать в равенстве, как например, [это невозможно для] проведенной черты и цвета» (стр. 224). И далее комментатор поясняет, что, по словам Аристотеля, «должно, чтобы обмениваемые предметы были каким-нибудь образом сравнимы и имели какую-нибудь общую меру»; такой мерой являются в конечном счете деньги (стр. 226). Более подробно, но, в сущности, совершенно так же, комментирует это место Михаил: «Аристотель говорит: „[все должно быть] сравнимым“ вместо [все должно] иметь по отношению друг к другу пропорциональность и сравнимость, т. е. нужно, чтобы происходила оценка и определялась цена каждого предмета. Вследствие этого появились деньги; ибо они измеряют цену всего, делают [ее] наглядной и показывают избыток и недостаток каждого предмета» (стр. 35). Далее следуют числовые примеры, в которых при помощи денег известное количество сандалий приравнивается по ценности к дому.

Как мы видим, высказанное Аристотелем положение о деньгах как мере сравнимости представляется обоим комментаторам вполне очевидным и безусловным. Исходная постановка вопроса не вызывает у них никаких сомнений. Вместе с тем сразу становится заметной значительная разница в изложении у Аристотеля и комментаторов. Стиль Аристотеля отражает живую мысль исследователя, его поиски и, быть может, его сомнения. В изложении же комментаторов эта живость мысли полностью исчезает. И здесь, и в дальнейшем для них характерны определенность и категоричность утверждений.

Известный интерес из приведенных выше комментариев может представлять только замечание анонимного комментатора о возможности существования таких предметов, которые заведомо несравнимы (черта и цвет). Это замечание любопытно, поскольку оно характеризует схоластические приемы рассуждения средневековых комментаторов: вопрос о сравнимости предметов в обмене комментатор незаметно подменяет другим вопросом — о несравнимости некоторых предметов вообще.

В этом отношении интереснее комментарий Гелиодора. Замечания Гелиодора по поводу положения Аристотеля о сравнимости вещей, вступающих в обмен, свидетельствуют об определенных попытках комментатора самостоятельно развить и уточнить мысль античного философа. Гелиодор пишет: «Поэтому обмениваемые продукты должны быть соотносительными и соизмеримыми друг с другом, так как существует нечто, что почти и не может быть обмениваемым, вследствие несоизмеримости, как например, работа флейтиста и работа строителя» (стр. 96). Комментатор чувствует невозможность обмена между конкретной материальной вещью и игрой флейтиста. Вопрос этот действительно сложен. Труд флейтиста в самом

деле не создает как будто бы никакой реальной ценности, во всяком случае никакой конкретно осязаемой вещи. Однако вспомним, что говорит К. Маркс о рабочей силе как стоимости. Производство рабочей силы предполагает не только наличие определенных средств существования, необходимых для поддержания жизни, но предполагает и удовлетворение известной суммы интеллектуальных и моральных потребностей, которые существуют у конкретного носителя рабочей силы; «...в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент», — говорит К. Маркс²⁷. Вспомним также слова К. Маркса о вещном характере стоимости. «Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы»²⁸. Таким образом, труд музыканта-художника при определенных социальных условиях, т. е. когда существует общественно-необходимая потребность в музыке, как в данном случае, труд этот овеществляется в живом носителе рабочей силы. Для комментатора обмен между флейтистом и строителем невозможен. Вполне реальный случай обмена для него состоит, например, в том, что сапожник отдает сандалию земледельцу и получает взамен какое-то количество хлеба. Строитель же, слушающий игру флейтиста, по комментатору, не захочет отдать за прослушанную им мелодию хотя бы часть построенного дома. Как же это происходит в действительности? Строитель платит флейтисту за игру на флейте и, следовательно, благодаря установленной цене оплаты флейтиста, эти два несоизмеримых продукта человеческого труда становятся как-то соизмеримыми. Твердо веря в соизмеримость только материальных вещей посредством денег, комментатор становится совершенно беспомощным в вопросе, — почему же в таком случае оплачивается музыка флейтиста.

Дальнейшее обоснование выдвинутого положения осуществляется Аристотелем во втором разделе-доказательстве. Сущность обоснования сводится к следующему: мерой сравнимости является в действительности нужда (*υρσία*), а деньги являются как бы заменителем (*υπάλλαγμα*) нужды. «Итак, — пишет Аристотель, — все должно измеряться чем-то одним. Этим в действительности является нужда, которая все связывает (ибо, если бы люди ни в чем не нуждались, или нуждались не в одном и том же, то либо не было бы обмена, либо обмена одними и теми же предметами); а как бы заменителем нужды явились по соглашению деньги. И вследствие того они имеют название *υμίσημα*, потому что они существуют не по природе, а по закону, и от нас зависит изменить их и сделать бесполезными» и т. д. (1133 а 25—31). Следует признать, что изложение Аристотеля не отличается достаточной ясностью. И это вполне понятно. Аристотель правильно ставит вопрос о том, что все вещи, вступающие в обмен, должны быть и действительно являются сравнимыми. Открытие Аристотеля в том и состоит, что товары измеряются деньгами, следовательно, товары, по существу, измеримы, и причину этого нужно искать в чем-то одном. Однако он улавливает лишь крайние антиподы: нужду, как первопричину всей деятельности человека, и деньги, как внешнюю форму соизмеримости предметов человеческого труда. Но он не может понять ни значения производства, ни значения и роли человеческого труда в сравнимости товаров.

Как кажется, мы не ошибемся, если за основную предпосылку развития всех его экономических взглядов примем его же собственную формулировку: «Поскольку производство (*ἡ ποίησις*) и потребление (*ἡ πρᾶξις*) — раз-

²⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 178.

²⁸ Там же, стр. 209.

личные виды деятельности, причем оба они нуждаются в орудиях,— необходимо, чтобы и в самих этих орудиях существовало такое же различие. Но жизнь есть потребление, а не производство (ὁ δὲ βίος πρᾶξις, οὐ ποίησις ἐστίν). Поэтому и раб является слугой во всем том, что относится к потреблению» (см. *Polit.*, I, 3, 1253 b 33—1254 a 8). Взгляд, чрезвычайно характерный для древнегреческого философа. В обществе, основанном на рабстве, роль и значение производства как основы всего общественного строя, полностью ускользало от внимания ученых. Поэтому и знаменитое выражение К. Маркса: «производство есть потребление, потребление есть производство», прозвучало бы совершенно непонятно для человека того времени.

Не видя в предметах обмена, товарах, овеществленного человеческого труда, Аристотель то пытается решить вопрос при помощи нужды, потребности; то, допуская нужду лишь как конечную первопричину всего, обращается прямо к деньгам, но не понимая действительной сущности денег, вынужден ограничиться лишь констатацией их условного характера, поскольку их существование допускается людьми перед лицом всеобщей нужды. Мы видим, таким образом, мучительные поиски истины, видим, как Аристотель намечает возможные решения проблемы, однако, чувствуя, что ни одно из них не является исчерпывающим, поневоле вынужден прекратить дальнейшие попытки анализа.

Комментаторы, стараясь ни в чем не отступить от текста Аристотеля, механически следуют от одной фразы ученого к другой, и теряя исследовательскую нить мысли Аристотеля, не видят его исканий. В силу этого они из предложенного варианта решения проблемы делают догму, категорически закрепляя ее как единственно правильное, само собой разумеющееся решение.

Комментируя второй раздел-доказательство Аристотеля, где трактуется вопрос о роли *χρεία*, анонимный комментатор пишет: «Аристотель, сказав ранее, что должно, чтобы обмениваемые предметы были каким-нибудь образом сравнимы и имели какую-нибудь общую меру, и заявив, что такой мерой их, по которой они становятся сравнимыми, является собственно (*χωρίως*) нужда, говорит теперь, что, поскольку не всегда люди имеют нужду в продуктах труда друг друга, в качестве залога будущей нужды появились деньги, количеством которых измеряется потребность в вещах, находящихся в обмене (οὐ τῇ ποσότητι μετρεῖται ἡ χρεία τῶν ἐν τῇ ἀλλαγῇ), Аристотель трактует об этом и показывает, что дело так и обстоит, и что нужда является связующей основой обмена, происходящего в соответствии с потребностью...» и т. д. И далее: «Таким образом, должно, чтобы нужда в вещах, находящихся в обмене, была у людей, совершивших обмен, равной, если только совершившие обмен собираются остаться равными,—такими, какими они были и до обмена. Поскольку же не одновременно все имеют нужду в предметах труда друг друга, но один человек испытывает такую потребность теперь, а другой—позже, то для того, чтобы один человек мог получить, как только потребует, продукт труда другого, которому он отдает свой продукт,— для этого деньги становятся наподобие поручителя и залога будущего обмена. Они являются, в свою очередь, как бы гарантией того, что если у кого-либо появится потребность в продукте первого человека, то он получит его продукт при посредстве денег. Ибо ими люди измеряют потребности в обмениваемых предметах... и они являются полезными для общения, для обмена предметами труда и для уравнения потребности» (стр. 226). И в другом месте говорит, что деньги являются мерилom «соизмеримости вещей по их нужде» (стр. 227).

В полном согласии с анонимным комментатором толкует Аристотеля и Михаил: «По словам Аристотеля,— пишет он,— причиной общения лю-

дей друг с другом является нужда; ибо, вследствие того, что каждый из нас нуждается во многом, и, вместе с тем, как было сказано и раньше невозможно каждому производить все, в чем нуждается, мы общаемся друг с другом». И далее: «Но так как часто сапожник нуждается в предметах труда строителя или земледельца, строитель же или земледелец не имеют нужды в предметах труда сапожника, заменой (*ἀπ'ἀλλαγῆς*) нужды стали деньги, и мы даем по соглашению вместо бапмаков, хлеба или дома — деньги. И вследствие того они называются *νόμισμα*, потому что они существуют не по природе, а по закону и нашему установлению, и от нас зависит сделать их бесполезными; ибо если мы пожелаем просто давать, что имеем, и брать, что не имеем, то деньги будут бесполезными» (стр. 36). И в другом месте: «Они (деньги) являются мерой соизмеримости вещей по их нужде; ибо, когда существует большая потребность в обмениваемых предметах, деньги значат мало, а когда малая, — много» (стр. 39).

Резюмируем основные положения комментаторов.

1. Нужда является причиной, порождающей обмен и требующей уравнения и сравнимости товаров. Более того, она рассматривается и как действительная мера ценности товаров, поскольку последняя определяется людьми пропорционально нужде в каждом данном товаре.

2. Деньги выступают в роли заменителя или представителя нужды, т. е. в качестве условной меры условной ценности вещей. Иными словами они являются, в конце концов, мерой той же нужды. Гарантируя непрерывно возникающую нужду в товарах, деньги тем самым являются залогом и непрерывности обмена.

Если у Аристотеля определение роли нужды было всегда лишь одним из предположений, высказанных при рассмотрении вопроса о деньгах, то у комментаторов оно становится центром всего рассуждения. Подхватывая и развивая один из слабых пунктов в рассуждении Аристотеля, они делают, таким образом, шаг назад по сравнению со своим источником.

В третьем разделе Аристотель вновь формулирует положение о деньгах как мере сравнимости. «Действительно, — говорит он, — деньги, наподобие меры, делают все соразмерным и, таким образом, уравнивают; ведь не было бы общения без обмена, и обмена без равенства, и равенства без соразмерности. Конечно, в действительности невозможно, чтобы столь различные предметы становились соразмерными, но перед лицом нужды это может быть принято с достаточным основанием. Ведь должно же быть что-то одно, [что делало бы их соразмерными], а это одно может возникнуть по соглашению, почему и называется *νόμισμα*; ведь деньги все делают соразмерным, ибо измеряется все деньгами» (1133 b 16—23).

Нужда здесь не рассматривается больше в качестве действительной меры вещей. Теперь она выступает лишь как побудительная причина, вызывающая необходимость обмена и сравнимости предметов. Однако трактовка денег как основы соизмеримости товаров вне связи с *χρῆμα* являлась также односторонней. Такая постановка вопроса, хотя и с оговоркой об условном характере существования денег, таила в себе опасность последующей фетишизации денег, придание им самостоятельного и абсолютного характера. Правда, сам Аристотель не делал никаких крайних выводов, но их сделали его комментаторы.

Действительно, характеризуя роль денег в целом, анонимный комментатор пишет: «Должно пользоваться деньгами как мерой обмениваемых предметов, выделяя и предпочитая их всем другим. Ибо, таким образом, будет равенство в обмене, — в купле и продаже, — и сохранится общение, в котором и заключается бытие государства» (стр. 227). И наоборот: «Если соизмеримость создается деньгами, то ясно, что с устранением денег устраняется соизмеримость, с устранением последней устраняется равенство,

а не будет равенства, — не может быть и общения, а, стало быть, и государства» (стр. 227). Подобные же мысли, вслед за анонимным комментатором, высказывает и Михаил (см. стр. 39).

Гелиодор также, по сравнению с Аристотелем, придает роли денег большее значение. На примере флейтиста и строителя мы уже видели, что несоизмеримость их продуктов устранялась только при помощи денег, которые обладают удивительным свойством обмениваться на все — на товары и на музыку.

Эту мысль далее Гелиодор повторяет еще отчетливее: «Уравнение не всегда возможно произвести без денег, ибо некоторые продукты ремесел до такой степени отличны друг от друга, что они оказываются совершенно несоизмеримыми и не имеют друг к другу никакого соотношения, почему и невозможно произвести между ними уравнение» (стр. 98)²⁹. И в другом месте: «Деньги могут обмениваться на любой продукт труда и измеряют цену всякого продукта, так как при помощи денег мы узнаем, какого количества сандалий, продуктов питания или других вещей стоит дом. Ибо, если бы цена каждой вещи не была известна, не могло бы быть ни обмена, ни общения» (стр. 96).

Таким образом, деньги, являющиеся представителем потребности (нужды), сами, появившись на свет, начинают диктовать свои условия и регулировать породившую их нужду. Мы уже не знаем, сколько стоит дом и какова пропорция отношения между домом и сандалиями. Мы узнаем это только благодаря деньгам. Центр тяжести переносится теперь не в потребность одного человека в продукте другого, а в цены на самые продукты. Следует, очевидно, предполагать, что и цена или оценка предметов, обладающих потребительной стоимостью, была некогда произведена тоже «по всеобщему соглашению».

Итак, деньги, которые у Аристотеля действуют «не по природе, а по закону», для комментаторов становятся на деле уже тем непреложным законом, с устранением которого устраняется и существование государства. Комментаторы, таким образом, бессознательно доводят положение Аристотеля о деньгах как мере сравнимости до полной фетишизации денег, до которой сам философ не доходил. Аристотель никогда не считал деньги основой существования государства. Государство у него было результатом долгого исторического развития. Лишь в развитом обществе люди сознательно, по взаимному соглашению, принимали деньги в качестве посредника при обмене.

Деньги у Аристотеля выступают в двойной роли: как всеобщая мера стоимости (*οἷον ὑπάλλαγμα τῆς χρείας*) и как средство обращения (*οἷον ἐγγυητῆς* [sc. *τῆς μελλούσης ἀλλαγῆς*]) — ср. EN, V, 8, 1133 b 10—14. На функции денег как средства обращения комментаторы останавливаются кратко путем пересказа Аристотеля, не внося ничего нового в его анализ. От этого вопроса они переходят затем к вопросу об изменении стоимости денег. Об условиях изменения относительной стоимости денег наиболее подробно говорит Гелиодор. Он отмечает, что потребность в деньгах не всегда одинакова: «Так, в урожайные годы имеется бóльшая потребность

²⁹ Гелиодор продолжает: «А так как один нуждается в другом (*ἐκάτερος ἐκατέρου δεῖται*), то ради этой потребности принята некоторая общая мера, которая все измеряет, — деньги. Измеряют же они не по природе своей, не на самом деле (так как не являются частью измеримого), но в силу некоторого нашего закона и взаимного соглашения» (стр. 98). В оговорке комментатора (ср. анонимный комментарий, стр. 227 и комментарий Михаила, стр. 39), что сами деньги не являются частью измеряемых товаров, лежит правильная мысль: единица измерения должна быть однородна с измеряемыми величинами. Каким же образом 10 мин могут сделать соизмеримыми дом и ложе? Затруднение обусловлено все тем же. От комментаторов, как и от Аристотеля, по-прежнему скрыт истинный субстрат стоимости.

в деньгах, в неурожайные — никакой, ибо никто не согласится уступить небольшое количество хлеба за много денег» (стр. 98). Деньги, рассматривавшиеся ранее в качестве οἷον ὑπάλλαγμα τῆς χρείας и οἷον ἐγγυητῆς (sc. τῆς μελλούσης ἀλλαγῆς), теперь, подобно другим товарам, сами оказываются предметом потребления. Казалось бы, что здесь намечается логически какой-то переход к признанию товарности самих денег. Однако этого не происходит. Вопрос о причинах повышения и падения цены самих денег объясняется Гелиодором примером с урожайными и неурожайными годами. Влияние урожая или неурожая на денежный рынок отмечено верно, но от комментатора скрыта сложная проблема изменения относительной стоимости денег, с чем связан и кажущийся недостаток в деньгах. Иллюзия недостатка денег, выраженная здесь Гелиодором, будет еще в течение ряда столетий мучить ученых экономистов. Только в новое время истинный характер этого явления впервые получит научное объяснение³⁰.

Подводя итог изучению текста комментариев к «Никомаховой Этике», V, 8, мы должны признать, что работа комментаторов для своего времени представляла несомненную ценность. Сами комментаторы, проделавшие огромную работу по изучению как философских, так и естественно-научных трудов Аристотеля, были видными представителями средневековой науки. Комментарий в средние века приобретает характер, отличный от древних схолий. Он способствовал более глубокому изучению наследия античного мира и, следовательно, развитию самой средневековой науки.

Три комментатора, труды которых мы исследовали лишь по одному интересующему нас вопросу, не были современниками. Анонимный комментатор и Михаил Эфесский отделены от Гелиодора тремя веками. И, однако, мы почти не замечаем никакого существенного различия в трактовке ими важнейших экономических проблем. Положения Аристотеля принимаются комментаторами на веру и не подвергаются никакой критике. С другой стороны, попытки развить взгляды Аристотеля в некоторых существенных вопросах приводят к канонизации отдельных положений, которые самим философом не рассматривались как окончательные. Трактовка комментаторами роли χρεία приводит к выводу, что нужда сама по себе соизмеряет продукты труда, а деньги становятся мерой нужды. Происходит полная фетишизация денег: деньги рассматриваются как единственное средство определения ценности вещей в их соотношении друг к другу.

Конечно, постановка таких вопросов, как сравнимость материальных и нематериальных продуктов труда, причины изменения ценности самих денег и некоторых других, без сомнения, представляла определенный интерес. Однако и в этом случае комментаторы скользили лишь по поверхности явлений и ни разу не смогли проявить ни силы анализа, ни силы синтеза. Мысль ученых по-прежнему скована рамками современного им общества. Отталкиваясь от Аристотеля, они, тем не менее, не смогли ни развить далее научных положений древнего философа, ни подвергнуть того, что было сказано им, сколько-нибудь серьезной переоценке.

³⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 127.

